

Невольница гарема

Автор:

Пьер Лоти

Невольница гарема

Пьер Лоти

Страсти в гареме

Невольница турецкого султана, юная Азиаде, воспылала страстью к офицеру французского флота. В едином порыве сметаются все преграды, любовь не слушается голоса рассудка, но так ли благосклонна фортуна в суровый век войны к не знающему границ чувству?

Самый известный роман Пьера Лоти «Невольница гарема» – это история любви флотского офицера-француза и турчанки! Исполненная особого настроения, проза Лоти с его красивыми героями, смертельной любовью, путешествиями в далекую экзотическую страну не оставит равнодушным даже самого искушенного читателя.

Пьер Лоти

Невольница гарема

Предисловие Пламкетта, друга Пьера Лоти

Всякий порядочный роман начинается описанием внешности героя. Но эта книга не роман или если и роман, то не более упорядоченный, чем жизнь того, кому он посвящен. Кроме того, описать на потребу равнодушной публике нашего Лоти,

которого мы так любили, – дело нелегкое, и с ним вряд ли справилось бы даже самое искусное перо.

Впрочем, представление о его внешнем облике читатель может получить, открыв «Намуну, восточную сказку» Мюссе:

И поступь горделива, и осанка,
Как у патриция, тонка, тверда рука,
Но главное – глаза. В них светится душа.

Как и Хасан, он бывал очень весел, но бывал и угрюм; порой непростительно наивен и в то же время пресыщен. Добрые ли поступки он совершал или дурные, он ни в чем не знал удержу, однако же мы любили его больше, чем этого эгоиста Хасана, и если сравнивать его с кем-либо, то скорей он был похож на Ролла...

Сколь много душ покажут тебе разом

И небо, что недвижность вод лазурью осеняет,

И – дно, где мутный ил скрывает ложь и злобу...[1 - Виктор Гюго. «Русалки».]

Пламкетт

I. Салоники. Дневник Лоти

I

16 мая 1876

...Прелестное майское утро, яркое солнце, чистое небо... Когда шлюпки с иностранных кораблей приблизились к берегу, палачи на набережной уже заканчивали свою работу: тела шести человек, повешенных на глазах у толпы, дергались в последних конвульсиях... Окна и крыши домов были облеплены зрителями. С ближнего балкона с улыбкой наблюдали за привычным зрелищем

господа из турецкой городской управы.

Султанские правители поскупились на расходы: виселицы были такие низкие, что босые ноги повешенных касались земли. Ногти их судорожно царапали песок.

II

Когда церемония казни окончилась, солдаты ушли, а трупы остались висеть до конца дня в назидание народу. Шесть трупов, словно бы стоящих на земле, являли собой отвратительную гримасу смерти, освещенную ласковым турецким солнцем, среди равнодушных прохожих и безмолвных стаяк молоденьких турчанок.

III

Групповое повешение было произведено по требованию правительств Франции и Германии как возмездие за убийство консулов, наделавшее шуму в Европе в начале Восточного кризиса[2 - Восточный кризис – так назывались события на Балканах в 1875–1878 гг., вызванные борьбой славянских народов за освобождение от турецкого гнета. Начало кризису положило восстание христианского населения Герцеговины летом 1875 г. Вскоре национально-освободительное движение перекинулось в другие южнославянские земли, прежде всего – в Сербию и Болгарию. Воспользовавшись этим, Австро-Венгрия, Россия и Англия попытались удовлетворить собственные интересы в этом регионе, оказывая нажим на правительство Турции, чтобы изменить ее политику относительно захваченных славянских народов. 30 июня 1876 г. Сербия объявила войну туркам, при этом в сербских войсках находилось около 4000 русских добровольцев. Однако уже осенью сербы были разбиты, и только вмешательство России заставило Османскую империю заключить перемирие. Константинопольская конференция, о которой упоминается в книге, состоялась 11–23 декабря 1876 г. Неудача конференции, пытавшейся решить Восточный кризис мирным путем, побудила Россию вмешаться в события на Балканском полуострове. Война Турции была объявлена 24 апреля 1877 г., но активные действия русских войск на балканском фронте начались в конце июня.].

Все европейские нации направили в Салоники внушительные броненосцы: Англия – одна из первых. Так на борту одного из корветов[3 - Корвет – трехмачтовый парусный военный корабль, вооруженный 20–30 пушками.] ее величества я и оказался в Турции.

IV

В чудесный весенний день, вскоре после знаменитой резни и через три дня после публичной казни, когда нам разрешено было выходить в город, около четырех часов пополудни я остановился у закрытых дверей древней мечети, наблюдая за дракой двух аистов.

Представление разыгрывалось на улочке старого мусульманского квартала. Вдоль ветхих домов извивались тропинки, над ними нависали забранные решетками длинные балконы – своего рода наблюдательные пункты, откуда сквозь невидимые снаружи отверстия можно было следить за прохожими. Ростки овса пробивались сквозь темную гальку, ярко-зеленые ветки карабкались на крыши; в просветах листвы сияло чистое голубое небо; в ласковом воздухе разливалось благоухание мая.

Население Салоник еще относилось к нам настороженно, даже враждебно, да и начальство обязывало нас повсюду таскать с собой саблю и прочие военные причиндалы. Изредка проходили, держась поближе к стенам, мужчины в тюрбанах; из-за решеток гаремов не показывалась ни одна женская головка; можно было подумать, что город вымер.

Я был совершенно уверен, что рядом никого нет, а потому, заметив за толстыми железными прутьями чьи-то большие зеленые глаза, устремленные на меня, испытал очень странное чувство.

Темные, слегка нахмуренные брови почти смыкались на переносице; смесь энергии и наивности читалась во взгляде, который можно было принять за взгляд ребенка, столько юности и чистоты он излучал.

Молодая женщина, обладательница зеленых глаз, выпрямилась, и я увидел по пояс ее стан, окутанный накидкой, спадающей негнушмиися складками. Зеленый шелк одеяния был расшит серебром. Белая вуаль окутывала ее голову,

оставляя свободными лишь лоб и большие глаза. Зеленый их цвет напоминал цвет моря, воспетого поэтами Востока.

Так я впервые увидел Азиаде.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. Художник П. Ковалевский «Героическая защита Шипки в 1877 году»

V

Азиаде пристально смотрела на меня. Будь на моем месте турок, она тотчас скрылась бы, но гяур[4 - Гяур (от араб, «кяфир») – «неверный»; так мусульмане называли всех иноверцев, чаще – европейцев.] – не человек; гяур – не больше чем объект наблюдения, в лучшем случае – существо, вызывающее любопытство и желание забавы ради на него поглазеть. Казалось, она была удивлена тем, что один из чужеземцев, вторгшихся в ее страну на страшных железных кораблях, – совсем молодой человек, вид которого не внушает ни отвращения, ни страха.

VI

Когда я вернулся на набережную, шлюпки союзной эскадры уже ушли. Зеленые глаза слегка вскружили мне голову, хотя разглядеть скрытое белой вуалью личико я так и не сумел. Я прошелся три раза мимо мечети с аистами, и время пролетело незаметно.

От молодой женщины меня отделяло множество преград. Я не мог обменяться с ней ни словом, ни запиской; покидать борт корабля после шести часов вечера было запрещено, сходить на берег разрешалось лишь при оружии; через неделю эскадра могла сняться с якоря, чтобы никогда больше не вернуться в этот порт, и, наконец, гаремы строго охранялись.

Я смотрел, как удаляются последние английские шлюпки.

Солнце вот-вот должно было закатиться.

В нерешительности я присел под навесом турецкой кофейни.

VII

Меня тотчас окружили люди – из тех, что живут под открытым небом на причалах Салоник, – лодочники и грузчики, жаждущие разузнать, почему я остался на берегу, и готовые ждать сколько угодно, чтобы предложить мне свои услуги.

Из этой группы македонцев я выделил одного. У него была забавная борода, вся в завитках, как у античных статуй. Он уселся передо мной прямо на землю и с любопытством меня рассматривал. Мой костюм, особенно ботинки, видимо, живо его заинтересовали. Он потягивался, точно ангорский кот, и позевывал, демонстрируя при этом два ряда мелких, сверкающих словно жемчуг зубов.

Словом, он был хорош собой; в его ласковом взгляде светились благородство и ум. В штанах до колен, оборванный, босой, он, однако же, казался опрятным, точно кошка.

Македонца звали Самуил.

VIII

Двум этим людям, которых я встретил в один и тот же день, суждено было сыграть в моей судьбе немаловажную роль и в течение трех месяцев рисковать ради меня своей жизнью. Но тогда я очень бы удивился, если бы мне об этом сказали. Им обоим предстояло покинуть свой край и провести целую зиму под одной кровлей со мной в Стамбуле.

IX

Самуил, расхрабрившись, заговорил со мной, пустив в ход три английских слова, которые он знал:

- Do you want to go on board?[5 - Вам надо попасть на корабль? (англ)]

Потом он перешел на «сабир»:[6 - Сабир – разговорный язык интернационального общения; смесь из французских, итальянских, испанских и арабских слов. – Примеч. перев.]

- Te portarem colla mia barca[7 - Я отвезу тебя на своей лодке (сабир).].

Стало быть, Самуил знал сабир. Я тотчас подумал, что этот парень, смысленный и отважный, способный к тому же объясняться на знакомом мне языке, мог оказаться мне полезен при выполнении безумного плана, который брезжил передо мной в виде неясной пока затеи.

Завоевать расположение босяка можно было бы с помощью золота, но презренного металла у меня самого было в обрез. Впрочем, Самуил казался честным малым, и непохоже было, что он потребует денег за посредничество между молодым человеком и молодой женщиной.

Х

УИЛЬЯМУ БРАУНУ,

ЛЕЙТЕНАНТУ 3-го ПЕХОТНОГО ПОЛКА,

В ЛОНДОН

Салоники, 2 июня

...Поначалу это было лишь опьянение, охватившее воображение и чувства; что-то большее – любовь или почти любовь – пришло потом; я был очарован и покорен.

Если б Вы могли последовать сегодня за Вашим другом Лоти по улочкам старого безлюдного квартала, Вы увидели бы, как он заходит в фантастического вида

дом. За ним закрывается потайная дверь. Он выбрал этот домишко, стремясь, как это вошло у него в привычку, переменить декорации. (Вы, вероятно, помните, как я проделывал это ради блистательной Изабеллы Б.: сцена разыгрывалась в фиакре или на Хаймаркет-стрит, у любовницы Длинного Мартина; одним словом, все та же старая страсть к перемене декораций, разве что восточный костюм добавит приключению немного притягательности и новизны.)

Картина первая: старое мрачное жилище, весьма убогое, зато насыщенное восточным колоритом. Кальяны валяются на полу вперемешку с оружием.

Ваш друг Лоти – в центре сцены; три старухи еврейки, в полном молчании, топчутся возле него. У них крючковатые носы и живописные долгополые одеяния, украшенные блестками; на шее – связки цехинов[8 - Цехин – название золотой монеты (дуката), чеканившейся начиная с XIII в. на венецианском монетном дворе; был широко распространен в Средиземноморье.], волосы подвязаны зеленой шелковой ленточкой. Они торопливо снимают с меня офицерский мундир и, опустившись на колени, чтобы начать с позолоченных гетр и подвязок, наряжают меня турком. Лоти сохраняет сумрачный и озабоченный вид, как это положено герою лирической драмы.

Старухи еврейки затыкают ему за пояс множество кинжалов, серебряные эфесы которых инкрустированы кораллами, а рукояти клинков из дамасской стали – золотом; затем надевают на него шитый золотом мундир с широкими рукавами, а на голову водружают феску. После этого они жестами объясняют Лоти, как ему к лицу новый наряд, и отправляются за большим зеркалом.

Лоти находит, что он и вправду хорош, и с грустной улыбкой рассматривает костюм, который может оказаться для него роковым. Затем Лоти исчезает, воспользовавшись задней дверью, и пересекает весь этот нелепый город с его восточными базарами и мечетями; он идет никем не замеченный в пестрой толпе, среди прохожих, разодетых в яркие одежды, которые так любят в Турции. Лишь несколько женщин, закутанных в белое, говорят друг другу, когда он проходит мимо: «Этот албанец хорош собой, и оружие у него красивое».

Дальше, дорогой Уильям, следовать за Вашим другом Лоти слишком рискованно. В конце его пути – любовь, любовь турчанки, которая принадлежит своему мужу-турку; другими словами, я ввязался в предприятие, безумное во все времена, не говоря о сегодняшних обстоятельствах. С юной обольстительницей Лоти

проведет час безумного блаженства, рискуя при этом и своей головой, и еще многими головами, рискуя вызвать даже дипломатические осложнения.

Вы скажете, что решиться на такое можно, лишь обладая чудовищным запасом эгоизма; не стану этого отрицать, но я решил, что могу позволить себе делать все, что заблагорассудится, и что надо как можно обильнее перчить это безвкусное блюдо, именуемое жизнью.

У Вас нет оснований жаловаться на меня: я написал Вам длинное письмо. Я не рассчитываю ни на Ваше, ни на чье-либо еще сочувствие, но среди людей, с которыми меня сводила жизнь, Вы один из тех, с кем приятно вместе жить и делиться впечатлениями. Если в моем письме слишком много излияний, будьте снисходительны: я недавно пил кипрское вино.

Сейчас хмель прошел. Я поднялся на палубу, чтобы подышать вечерней прохладой, и Салоники предстали передо мной в своем жалком обличье; его минареты напоминали кучу старых свечей, воткнутых в темный грязный город, где процветает порок, – эдакий современный Содом. Когда влажный воздух обдал меня холодным душем и природа приобрела обычный для этих мест убогий и тусклый вид, я снова принялся изучать себя, находя в душе лишь омерзительную пустоту и неизбывную житейскую скуку.

В ближайшее время я думаю съездить в Иерусалим и постараться собрать воедино клочья моей веры. Пока же мои религиозные и философские верования, мои нравственные принципы, мои социальные теории и прочее представлены одной мощной фигурой – фигурой жандарма.

Осенью я обязательно приеду к Вам в Йоркшир[9 - Йоркшир – графство на северо-востоке Великобритании.].

Жму Вашу руку и остаюсь преданный Вам

Лоти.

Последние дни мая 1876 года были одними из самых беспокойных дней моей жизни.

Уже долгое время я испытывал упадок духа; страдания опустошили мое сердце, однако переходный период прошел, и юность вновь предъявляла свои права. Я пробуждался, чувствуя себя одиноким в этом мире; остатки веры покинули меня, никакая узда меня более не сдерживала.

Что-то похожее на любовь зарождалось на этих руинах, и Восток источал могучие чары, благословляя это пробуждение, вызывавшее смятение чувств.

XII

Ее поселили вместе с тремя другими женами господина в загородном доме, расположенном в роще, по дороге к монастырю. Охрана там была не слишком бдительна.

Каждый день я при оружии спускался на берег, шлюпка высаживала меня на набережной, в толпу лодочников и рыбаков, и я знаками передавал Самуилу, оказавшемуся как бы случайно на моем пути, свои распоряжения на ночь.

Дневные часы я проводил, прохаживаясь по монастырской дороге. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась пустынная печальная равнина; по сторонам тянулись античные захоронения; руины мраморных надгробий с таинственными письменами, обглоданными лишайником; поля, усеянные гранитными памятниками; греческие, византийские, мусульманские надгробия покрывали древнюю землю Македонии, где великие народы прошлого оставили свой прах. Изредка взгляд останавливался на силуэте островерхого кипариса или на громадном платане, который давал приют албанским пастухам и их козам; на бесплодной почве крупные бледно-лиловые цветки жимолости, согретые лучами солнца, источали сладкое благоухание. Мельчайшие подробности этого пейзажа запечатлелись в моей памяти.

Ночью надо всем этим царит невозмутимый ласковый покой; тишину нарушает лишь треск цикад; чистый воздух настоян на ароматах лета; неподвижное море и небо излучают такое же сияние, как то, что озаряло когда-то мои тропические ночи.

Прекрасная турчанка не была еще моей, но нас разделяли лишь преграды материального свойства – присутствие ее господина да железные решетки на окнах.

Я проводил ночи в ожидании – ожидании того мига, быть может, очень короткого, когда я смогу сквозь эти ужасные прутья коснуться ее плеч и поцеловать в темноте белые руки, украшенные перстнями Востока.

Глубокой ночью, незадолго до рассвета, преодолев тысячи опасностей, я возвращался на корвет.

«Церковь Святых Апостолов». Художник Мечети Суджук Джамии

XIII

Вечера я проводил в обществе Самуила. В тавернах, куда ходили рыбаки, благодаря ему я увидел немало странного; в притонах и кабаках, во «дворах чудес», которые содержали турецкие евреи, я изучал нравы, с какими сталкивались очень немногие мои соотечественники.

Собираясь в трущобы, я переодевался в костюм турецкого матроса, рассчитывая, что на рейде Салоник он меня не выдаст. Самуил выделялся среди тамошнего сброда; его сияющая красота была особенно заметна на мрачном фоне.

Я понемногу привязался к нему, а его отказ сводничать в моем приключении с Азиаде заставил еще больше уважать его.

В ночные часы, проведенные с этим бродягой в подвалах, где пьют анисовую и виноградную водку, напиваясь до потери сознания, я увидел много всяческих странностей и извращений.

XIV

Ласковой июньской ночью мы с Самуилом лежали, вытянувшись на земле, дожидаясь двух часов утра условленного часа. Я хорошо помню эту волшебную ночь; ее покой нарушал лишь еле слышный плеск прибоя; кипарисы смотрелись на фоне горной гряды, как черные слезы, платаны – как сгустки тьмы; кое-где старые пограничные столбы обозначали места, давным-давно покинутые дервишами; сухая трава, мох и лишайники источали пряный аромат. Оказаться в чистом поле в такую ночь – истинное блаженство!

Однако Самуила наша ночная вылазка, похоже, не приводила в восторг – он даже перестал мне отвечать.

Тогда я взял его за руку – я сделал это впервые, в знак дружбы, – и произнес по-испански примерно такую речь:

– Мой добрый Самуил, вы каждую ночь спите на твердой земле или на голом полу Трава, на которой мы здесь лежим, куда мягче и пахнет тимьяном. Постарайтесь заснуть, и вы проснетесь в прекрасном расположении духа. Или, быть может, вы недовольны мной? Что я могу для вас сделать?

Его рука дрожала в моей руке, я сжал ее слишком крепко.

– *Che volete*, – произнес он мрачным и недовольным голосом. – *Che volete mi?*[10 - Что вы от меня хотите? (сабир.)]

Что-то невероятное, что-то злое тенью прошло через сознание бедного Самуила – на добром старом Востоке все возможно! Потом он закрыл лицо руками и, ужаснувшись самому себе, застыл в этой позе.

Но и в это тягостное мгновение он был предан мне душой и телом.

Каждый вечер, заходя в дом, где жила Азиаде, Самуил ставил на карту свою свободу и свою жизнь. Он в темноте пересекал кладбище, как ему казалось, наполненное видениями и смертными страхами; греб до утра на своей лодке, стерег нашу или ждал меня всю ночь, лежа вповалку с полусотней бродяг на каменных плитах салоницкого причала. Его личность была как бы поглощена моей, и, какими бы ни были место и костюм, которые я выбирал для себя в очередной раз, он следовал за мной как тень, готовый защитить мою жизнь даже ценой своей собственной.

XV

ЛОТИ – ПЛАМКЕТТУ,

ЛЕЙТЕНАНТУ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Салоники, май 1876

Мой дорогой Пламкетт!

Вы можете рассказать мне, не боясь наскучить, обо всех грустных или нелепых, или даже веселых случаях, которые придут Вам в голову.

В моих глазах Вы никогда не смешаетесь с презренным сбродом, и я с неизменным удовольствием буду читать все, что Вы мне напишете.

Ваше письмо было вручено мне под конец обеда с испанским вином, и я помню, как оно ошеломило меня оригинальностью своего внешнего вида. Вы и в самом деле чудак, но это я знал уже давно. Известны Вы и блестящим умом. Но не только это извлек я из Вашего длинного письма, уверяю Вас.

Я понял, что Вы немало страдали и это тоже нас сближает. В моей жизни тоже было десять долгих лет, которые начались с того, что меня, шестнадцатилетнего, предоставили в Лондоне самому себе; я вкусил понемногу всех тамошних утех, зато и страдания не обошли меня стороной. Я чувствую себя совершенным стариком, несмотря на прекрасное физическое состояние, которое я поддерживаю фехтованием и гимнастикой.

Впрочем, признания ни к чему не ведут. Вы страдали, и этого достаточно, чтобы между нами возникла симпатия.

Я вижу также, что мне посчастливилось внушить Вам какое-то чувство; благодарю Вас за него. Нас свяжет, если на то будет и Ваша добрая воля,

«интеллектуальная дружба», как Вы это называете, и она поможет нам пережить эти унылые времена.

На четвертой странице письма Ваше перо, вероятно, слишком торопливо бежало по бумаге, когда Вы писали: «Безграничная преданность и нежность...» Если Вы действительно так думаете, Вы не можете не сознавать, что Вы еще молоды и свежи и что ничего не потеряно. Что до клятв верности – навеки, навсегда, – я испытал всю их прелесть больше, чем кто-либо. Однако эти чувства приходят в восемнадцать лет; в двадцать пять их уже нет, и преданность испытываешь уже только по отношению к самому себе. То, что я говорю Вам, неутешительно, но ужасающе верно.

XVI

Салоники, июнь 1876

В Салониках это было просто счастье – утренняя прогулка по городу, мысль о которой поднимала вас на ноги еще до восхода солнца. Воздух был такой легкий, свежесть – такая восхитительная, что сама жизнь словно бы улыбалась вам; все существо ваше проникалось блаженством. Немногочисленные турки в красных, зеленых и оранжевых одеяниях попадались на улицах, под сводами лавчонок, в которые свет едва проникает сквозь закрытые ставни.

Инженер Томпсон играл при мне роль наперсника в комической опере, и мы с ним немало побродили по старым улочкам в запретные часы, в костюмах, нарушавших все правила и уставы.

По вечерам взгляду открывалась дивная картина другого рода: все становилось розовым или золотым.

Олимп[11 - Олимп – горный массив в Фессалии, на северо-востоке Греции; высшая точка – гора Митикас (2917 м). В античной Греции считался местопребыванием богов.] был окрашен в цвета, напоминающие разгорающиеся угли или расплавленный металл, и отражался в зеркальной глади моря. В небе – ни облачка: казалось, атмосфера исчезала и горы повисали в совершенной пустоте – настолько четко и определенно вырисовывались даже самые далекие

их гребни.

Мы сидели по вечерам на набережной, где фланировала толпа, и смотрели на спокойную бухту. Шарманки наигрывали под аккомпанемент колокольчиков восточные мелодии; содержатели кофеен выставляли в изобилии на столиках, прямо на улице, свой товар, едва успевая подносить кальяны, рахат-лукум и ракию.

Самуил бывал счастлив и горд, когда мы приглашали его за наш столик. Он слонялся вокруг, чтобы передать мне условными знаками, на какое время Азиаде в очередной раз назначила мне свидание, и я, думая о предстоящей ночи, дрожал от нетерпения.

XVII

Салоники, июль 1876

Азиаде сказала Самуилу, чтобы на эту ночь он остался с нами. Я смотрел на нее с удивлением: она попросила меня сесть между нею и Самуилом и заговорила с ним по-турецки.

Этот первый наш с ней разговор затеяла сама Азиаде; Самуил должен был служить нам переводчиком. В течение месяца, опьяненные чувствами, мы не обменялись ни словом и, в сущности, оставались друг для друга незнакомцами.

- Где ты родился? Где ты жил? Сколько тебе лет? У тебя есть мать? Ты веришь в Бога? Ты был когда-нибудь в стране черных людей? У тебя было много любовниц? Ты господин в своей стране?

А она - юная черкешенка - попала в Константинополь вместе с другой девочкой, своей ровесницей; какой-то торговец продал ее старому турку, который держал ее в своем доме, чтобы впоследствии отдать сыну; сын внезапно умер, старый турок - тоже; ей исполнилось шестнадцать лет, и она была ослепительно хороша; итак, она попала в руки господину, который заметил ее еще в Стамбуле и перевез в свой дом в Салониках.

– Она говорит, – переводил Самуил, – что ее Бог не тот, что у тебя, и она не уверена, будто у женщин такая же душа, как у мужчин; Коран говорит иначе. Она считает, что, когда ты уедешь, вы больше не увидите, даже после смерти, и поэтому она плачет. А сейчас, – продолжал Самуил смеясь, – она спрашивает, хочешь ли ты вот прямо сразу вместе с ней прыгнуть в море; сжимая друг друга в объятиях, вы позволите течению увлечь вас в глубину... Я же отгоню лодку обратно и буду говорить, что вас не видел.

– Что до меня, – сказал я, – я согласен, только б она больше не плакала; прыгнем немедля – и делу конец.

Азиаде поняла меня; вся дрожа, она обвила руками мою шею, и мы склонились над водой.

– Не делайте этого! – закричал Самуил, испугавшись не на шутку и удерживая нас обоих своей стальной ручищей. – Что за скверная выдумка – целоваться под водой. Когда люди тонут, они цепляются друг за друга и строят отвратительные гримасы.

Это было сказано на сабире с дикарской грубостью, которую французский язык не способен передать.

.....

Азиаде пора было возвращаться домой, и вскоре она нас покинула.

XVIII

ПЛАМКЕТТ – ЛОТИ

Лондон, июнь 1876

Мой дорогой Лоти!

Я смутно помню, будто месяц назад послал Вам нескладное и бессвязное письмо без начала и конца, одно из тех писем, которые диктует воображение, и фантазия несется галопом, а перо, едва за ней поспевая, в лучшем случае бежит рысью, да еще то и дело упирается, как старая ломовая кляча, взятая внаем.

Эти письма никогда не перечитывают, прежде чем запечатать, потому что в противном случае их бы вовсе не посылали. Более или менее уместные отступления от темы, повод для которых, однако же, решительно нельзя сыскать, чередуются в таких письмах с полной ахинеей. И наконец, для полноты картины следует панегирик самому себе – несчастному, непонятому человеку, который ищет сочувствия, дабы собрать урожай комплиментов, коими вы по доброте сердечной его одаряете. Вывод: все это очень смешно.

А заверения в преданности!

На этот раз именно из-за этого старая кляча закусил удила. Вы отвечаете на эту часть моего письма, как мог бы ответить тот писатель XVI века до нашей эры, который, перебрав все, попробовав себя в роли великого короля, великого философа, великого архитектора, у которого было шестьсот жен и прочая и прочая, пресытившись всем и преисполнившись отвращением ко всему, в старости, поразмыслив, заявил, что все в мире лишь суета сует[12 - Автор имеет в виду легендарного царя Соломона, правителя единого царства Израиля и Иудеи (принятые в настоящее время даты царствования: 965–926).].

Вид на Салоники

Все, что Вы могли бы написать мне в ответ в духе Екклесиаста[13 - Екклесиаст (греч. Екклесиаст – «Проповедник») – автор одноименной книги Ветхого Завета.]

, я давно знаю и совершенно с Вами согласен! Поэтому вряд ли мне доведется когда-либо спорить с Вами иначе, чем жандарм спорит со своим бригадиром. В сфере нравственной нам совершенно нечему учить друг друга.

Откровенные признания, говорите Вы, бесполезны.

Я соглашаюсь с Вами более, чем когда-либо; мне нравится иметь общую с Вами точку зрения на людей и на события, мне нравится угадывать их основополагающие черты; что же касается деталей, я всегда испытывал к ним отвращение.

«Безграничная преданность и нежность»! Это был один из тех добрых порывов, одно из тех счастливых озарений, по милости которых человек становится лучше самого себя. Поверьте, в эту минуту я совершенно искренен. Если же эти озарения мимолетны, кого следует винить в глубинном несовершенстве нашей природы? Вас или меня? Или того, кто, создав нас, бросил наполовину прорисованными, исходно готовыми к самым возвышенным устремлениям, но неспособными на действия, согласные с нашими взглядами? Или вообще никого? Поскольку нас раздирают сомнения, это, пожалуй, лучший вариант.

Спасибо за то, что Вы написали мне о свежести моих чувств. И все же я в это не верю. Слишком долго они служили или, скорее, слишком часто прибегал я к их услугам, чтобы они от употребления не утратили свежести. Я мог бы сказать, что это чувства, приобретенные по случаю, и в связи с этим напомнить Вам, что подобные случаи всегда можно найти. Я обратил бы также Ваше внимание на то, что есть вещи, которые со временем, теряя блеск и свежесть, становятся только прочнее; в качестве примера из нашего с Вами общего благородного ремесла я привел бы пеньковый канат.

Так или иначе, я Вас очень люблю, и к этому можно не возвращаться. Раз и навсегда я заявляю, что Вы ярко одарены и что было бы настоящим несчастьем, если бы Вы потратили на эквилибристику лучшую часть себя. Не буду больше досаждать Вам своими чувствами и восторгами и перехожу к некоторым деталям моего житья-бытья.

Физически я совершенно здоров, но нравственно – нет, а потому мне приходится вести себя определенным образом, чтобы не сходить с ума и установить для своих чувств некий регулятор. Все в этом мире уравновешено, как внутри нас, так и вовне. Если чувства берут верх – это всегда происходит за счет рассудка. Чем в большей степени Вы будете поэтом, тем в меньшей – геометром, а в жизни необходимо немного геометрии и, что еще хуже, много арифметики. Надеюсь, Бог простит меня за то, что я написал Вам нечто почти из области здравого смысла.

Ваш Пламкетт.

XIX

Ночь на 27 июля, Салоники

В девять часов офицеры один за другим расходятся по своим каютам; они желают мне доброй ночи и удачи: моя тайна стала уже общим достоянием.

Я с опаской смотрю на небо в ту сторону, где высится старый Олимп, – слишком уж часто наплывают оттуда густые медные тучи, предвещая ураганы и проливные дожди.

В этот вечер, однако, облаков не видно, и мифическая гора четко прорисована на бездонном небе.

Я спускаюсь в свою каюту, переодеваюсь и поднимаюсь снова.

Начинается ежевечернее тревожное Ожидание: проходит час, проходит другой, минуты тянутся бесконечно и кажутся долгими, как ночь.

В одиннадцать часов над гладью моря слышится легкое поскрипывание весел. Далекая точка приближается, скользя словно тень. Это лодка Самуила. Вахтенные окликают его, берут на прицел. Самуил не отвечает, и тем не менее ружья опускаются – вахтенные получили тайный приказ, который касается только его, и вот лодка у нашего борта.

Ему вручают сети и другие принадлежности для рыбной ловли; конспирация соблюдена, и я прыгаю в лодку, которая немедленно отходит от корабля. Я сбрасываю плащ, скрывавший мой турецкий костюм, и – перевоплощение свершилось. Расшитая золотом куртка чуть поблескивает в темноте. Легкий ветер мягко холодит лицо. Самуил бесшумно гребет к берегу.

Там уже ждет меня маленькая лодка. В ней – безобразная старуха негритянка, замотанная в голубую ткань, старый слуга-албанец, в живописном костюме,

вооруженный до зубов, и еще одна женщина, так укутанная, что глаз различает лишь бесформенную белую массу.

Самуил пересаживает в свою лодку двух первых из упомянутых персонажей и удаляется, не говоря ни слова. Я остаюсь один на один с женщиной под белым покрывалом, безмолвной и неподвижной, словно привидение. Я берусь за весла, и мы плывем в противоположном направлении – в открытое море. Не отрывая от женщины глаз, я напряженно жду какого-либо ее движения или сигнала.

Когда, по ее мнению, мы уже достаточно далеко, она протягивает мне руки – это долгожданный сигнал, по которому я могу сесть рядом с ней. Я дрожу, касаясь ее, это прикосновение проникает в меня смертельной истомой; ее вуаль пропитана ароматами Востока, кожа ее лица кажется холодной.

В моей жизни была молодая женщина, которую я любил больше, чем эту, и которую ныне не вправе видеть, но никогда я не испытывал подобного опьянения.

XX

Лодка Азиаде выстлана шелковистыми коврами, турецкими подушками и покрывалами. Здесь можно найти все изыски восточной неги, так что похожа она скорее на покачивающуюся на воде постель, чем на лодку.

Мы находимся в особом положении: не смеем обменяться хотя бы словом; всевозможные опасности кружат над этим странным ложем, которое дрейфует, никем не управляемое, в открытое море; похоже, два существа намеренно сошлись для того, чтобы вместе вкусить упоительную прелесть невозможного.

Через три часа, когда Большая Медведица опрокинется в необъятном небе, настанет пора плыть к берегу. Каждую ночь мы следим за неизменным движением созвездия, как за циферблатом, где стрелка отсчитывает часы нашего безумства.

Мы забываем обо всем на свете, и поцелуй, начавшийся вечером, длится до утра. Сравнить это можно разве что со жгучей жаждой в африканских песках, которую не утолить, сколько бы ты ни пил.

Как-то раз молчание ночи нарушил неожиданный шум. До нас донеслись звуки арфы и женские голоса: кто-то кричал нам «берегись!», и мы едва успели посторониться. Шлюпка с «Марии Пиа», битком набитая пьяными итальянскими офицерами, возвращавшимися с берега, на полном ходу прошла мимо нашей лодки, едва не наскочив на нас и не пустив нас ко дну.

XXI

Когда мы вернулись к шлюпке Самуила, Большая Медведица уже прошла свою высшую точку на небосводе. Издалека доносилось пение петухов.

Самуил спал на корме, свернувшись клубочком под моим одеялом; негритянка, скорчившись, как обезьяна, спала на носу; старый албанец дремал, съезжившись между ними, не выпуская весел из рук.

Двое старых слуг пересели к своей хозяйке, и лодка, которая привезла Азиаде, бесшумно скрылась из виду. Я долго следил глазами за белым пятном – одеянием молодой женщины, которая оставалась на том месте, где я ее оставил, разгоряченную поцелуями, дрожащую теперь от ночной росы.

На немецком броненосце пробило три часа; на востоке в белесом свете проступали угрюмые контуры гор, в то время как подножие их утопало в их собственной тени, отраженной спокойными водами. Густая тень, отбрасываемая горами, скрадывала расстояния; звезды мало-помалу тускнели.

Влажная утренняя свежесть понемногу опускалась на море; роса проступала каплями, словно выжатыми из досок Самуилова суденышка. Я был легко одет, плечи прикрывала лишь рубаха из легкого муслина. Куртка с золотым шитьем осталась на лодке Азиаде. Смертный холод скользнул по рукам, проникая в грудь. Еще час надо было ждать благоприятного момента, чтобы, обманув бдительность вахтенных, вернуться на борт. Я попробовал грести, но неодолимая дремота сковывала движения. Тогда я с бесконечными предосторожностями приподнял краешек одеяла, которым укрылся Самуил, и вытянулся рядом, не потревожив сон друга, посланного мне случаем.

Не прошло и секунды, как мы уже оба спали тем тяжелым сном, которому невозможно противиться, и наша лодка легла в дрейф.

Через час нас разбудил хриплый голос: кричали по-немецки что-то вроде «Эй вы там, на лодке!».

Мы чуть было не наткнулись на германский броненосец и налегли на весла, чтобы уйти подальше; вахтенные держали нас под прицелом. Было четыре часа. Утренняя заря еще неуверенно освещала белые кварталы Салоник и черные громады военных кораблей. Я вернулся на борт как удачливый вор, которому повезло и он не попался.

XXII

Следующей ночью (с двадцать восьмого на двадцать девятое) мне приснилось, что я внезапно покидаю Салоники и Азиаде. Мы с Самуилом решаем бежать по тропе в турецкую деревню, где она живет, чтобы, по крайней мере, с ней попрощаться: однако, как это бывает во сне, мы не можем сдвинуться с места, время уходит, корвет поднимает паруса.

– Я пошлю тебе ее волосы, – говорит Самуил, – длинную каштановую косу.

Мы снова пытаемся бежать.

Но вот пришли меня будить – пора заступать на вахту. Пробило полночь. Рулевой зажег в моей каюте свечу. Я увидел блеск позолоты и шелковые цветы на коврах и лишь тогда проснулся окончательно.

В эту ночь лил проливной дождь, и я промок до нитки.

XXIII

Салоники, 29 июля

В десять часов утра я получил неожиданный приказ: немедленно покинуть мой корвет и Салоники, завтра же на пассажирском судне переправиться в Константинополь и явиться там на английскую плавучую базу «Дирхаунд»,

которая курсирует в водах Босфора или Дуная.

Орава матросов ворвалась в мою каюту; они сдирали шелковую обивку и увязывали дорожные сундуки.

Я занимал на «Принце Уэльском» бронированную клетушку в глубине судна, примыкавшую к пороховому погребу. Этот склеп, в который не проникал ни один солнечный луч, я обставил самым оригинальным образом: железные стены были затянуты плотным красным шелком с причудливыми цветами; на сумрачном фоне поблескивала фаянсовая посуда, древности с обновленной позолотой, оружие.

Во мраке этой комнатухи я провел немало грустных часов, неотвратимых часов разговора с глазу на глаз с самим собой, мучимый угрызениями совести и душераздирающими сожалениями о прошлом.

XXIV

На «Принце Уэльском» у меня было несколько приятелей, начальство многое спускало мне с рук, но ни к кому я не был по-настоящему привязан, и скорая разлука не слишком меня огорчала.

Кончался еще один период моей жизни, и Салоники были еще одним уголком земли, с которым мне предстояло проститься навсегда.

Впрочем, на спокойной глади просторной бухты я провел упоительные часы – то были ночи, за которые немало людей дорого бы дали. К тому же я почти любил эту молодую женщину, наделенную столь своеобразной прелестью!

«Невольница». Художник Леон-Франсуа Комерре

И все же вскоре я забуду эти прохладные ночи, когда первые лучи солнца и утренняя роса заставляли нас в лодке, где мы лежали вытянувшись, опьяненные любовью.

Мне было жаль Самуила, беднягу Самуила, который так бескорыстно рисковал своей жизнью ради меня и который будет по-детски оплакивать мой отъезд. И так, я по-прежнему откликаюсь на любое пылкое чувство, на все, что на него похоже, даже если в его основе лежит какое-либо корыстное или неясное мне побуждение; я принимаю, закрыв глаза, все, что может заполнить хотя бы на час ужасную пустоту жизни, все, что являет собой хотя бы видимость дружбы или любви.

XXV

30 июля. Воскресенье

В полдень, в самый зной, я покидал Салоники. Самуил подплыл на своей лодке в последнюю минуту, чтобы попрощаться со мной, когда я уже ступил на палубу корабля.

Он выглядел растерянным, но довольным. И этот скоро меня забудет!

– До свиданья, эфенди, pensia roco de Samuel![14 - ...думай иногда о Самуиле! (сабир.)]

XXVI

– Осенью, – сказала Азиаде, – Абеддин-эфенди, мой господин, перевезет жен в Стамбул; если он случайно туда не поедет, я поеду одна, ради тебя. Приезжай в Стамбул, я буду ждать тебя.

Но это значит для меня начать все сначала, зажить по-новому, в новой стране, в окружении новых лиц, и неизвестно, сколько времени это продлится!

XXVII

Церемония с порхающими в воздухе носовыми платками успешно завершается, берег, залитый солнцем, медленно удаляется от нас. Долгое время еще можно различить белую башню, к которой ночью причаливала лодка Азиаде, и каменистую равнину с разбросанными там и сям старыми платанами, мимо которых я часто проходил в темноте.

И вот уже Салоники – лишь серое пятно на фоне желтых бесплодных гор, пятно, испещренное белыми шпилями минаретов и черными – кипарисов.

А потом и серое пятно исчезает (вероятно, навсегда), скрытое взгорьями мыса Карабурун[15 - Карабурун – имеется в виду мыс Мегало-Карабурун (Большой Карабурун), закрывающий выход из Салоникской бухты в одноименный залив Эгейского моря.]. Четыре могучие мифологические вершины вздымаются над теперь уже далеким берегом Македонии: Олимп, Афон, Пилион и Оса![16 - Среди упомянутых вершин только одна находится в пределах Македонии. Афон – гора на полуострове Агион-Орос. Пилион – горный хребет в Фессалии. Оса – гора в Фессалии, на побережье залива Термаикос.]

II. Одиночество

I

Константинополь, 3 августа 1876

Трехдневное путешествие проходило в три этапа: Афон, Дедеагач,[17 - Дедеагач – сейчас этот прибрежный городок называется Александруполис и находится на территории Греции.] Дарданеллы.

На судне подобралась такая компания: красивая дама-гречанка, две еврейки, немец, американский миссионер с женой и дервиш.

Странноватое общество, тем не менее мы приятно проводили время и много музицировали. Общий разговор шел на латыни или на греческом времен Гомера.

При этом мы с миссионером иногда обменивались репликами на полинезийском.

Через три дня я поселился за счет ее величества королевы Великобритании в гостинице, расположенной в квартале Перы[18 - Пера (греч. «по ту сторону») – район Стамбула, расположенный к северу от Золотого Рога (совр. Бейоглу)]. Мои соседи – некий лорд и весьма приветливая леди, с которой мы проводим вечера за роялем, играя Бетховена.

Я жду безо всякого нетерпения возвращения моего судна, которое качается на волнах где-то в Мраморном море.

II

Самуил как верный друг последовал за мной; я был растроган.

Ему удалось пробраться на почтовое судно, и вот сегодня утром он явился ко мне.

Я обнял его от всего сердца – я был действительно счастлив, что снова вижу его открытую и честную физиономию, единственную, внушавшую мне симпатию в этом громадном городе, где я не знал ни одной живой души.

– Эфенди, – сказал он, – я все бросил – друзей, страну, лодку – и последовал за тобой.

Мне уже приходилось убеждаться в том, что среди бедняков более чем где-либо можно встретить столь полное и сердечное изъявление доверия.

И, уж конечно, я предпочитаю иметь дело именно с ними, не опасаясь пострадать от эгоизма и мелочности.

III

Все глаголы у Самуила кончаются на ате; обо всем, что производит шум, он говорит: «фате бум». «Если Самуил сядет на лошадь, – говорит он, – Самуил фате бум!» (Читайте: «Самуил упадет».)

Его рассуждения бессвязны и непоследовательны, как у ребенка.

Его религиозные взгляды отражают его простодушие и наивность; его суеверия своеобразны, а наблюдения нелепы.

Особенно он забавен тогда, когда напускает на себя серьезность.

IV

ЛОТИ – ОТ ЕГО СЕСТРЫ

Брайтбери, август 1876

Дорогой брат!

Ты бежишь, ты летишь, ты меняешь обстановку, ты едва остановился и вот снова в полете, как птичка, которую нипочем не поймать. Бедная маленькая птичка, капризная, гонимая ветрами, игрушка миражей, она не нашла еще места, где преклонит усталую головку, где расправит трепещущие крылышки.

Мираж Салоник, всюду мираж! Кружение, постоянное кружение до тех пор, пока, утомленный нескончаемым полетом, ты не решишь вернуться к жизни и не опустишься на свежую зеленую ветку... Нет, ты не сломаешь свои крылышки и не упадешь в бездну, потому что Бог маленьких птичек сказал свое слово и ангелы оберегают легкомысленную, дорогую мне голову.

Так или иначе – все кончено! Ты не приедешь в этом году, не посидишь под липами! Наступит зима, а ты так и не пройдешься по нашему газону! Пять лет я смотрела, как цветут наши цветы, как хорошеют тенистые аллеи, и тешила себя надеждой увидеть вас обоих в нашем саду. Каждое лето эта сладостная мысль делала меня счастливой... Теперь остался только ты, но и тебя мы не увидим.

Август. Прекрасное светлое утро. Я пишу тебе из Брайтбери, из нашей деревенской гостиной, окна которой выходят во двор с липами; поют птицы, солнечные лучи радостно пробиваются сквозь листву. Сегодня суббота, и свежeweымытые каменные плиты и полы складываются в строки сельской идиллии, к которой, знаю, ты никогда не был безразличен. Жара и духота отпустили, наступает период покоя и всепроникающего очарования, который по праву можно сравнить с годами зрелости человека; цветы и растения, утомленные сладострастием лета, снова торопятся жить, зацветая по второму разу, раскрывая яркие цветы среди обильной зелени, а несколько пожелтевших листков еще усиливают очарование природы в пору ее повторного цветения. В этом райском уголке все поджидало тебя, дорогой брат; казалось, все цветет для тебя... Но и на этот раз мы тебя не увидим.

V

Шумный квартал Таксим, расположившийся на холмах Перы, европейские экипажи, европейские туалеты вперемешку с экипажами и одеяниями Востока; жаркое солнце, страшный зной; легкий ветерок вздымает пыль и опавшие листья августа; отовсюду слышатся выкрики торговцев фруктами, улочки завалены виноградом и арбузами... Первые часы моего пребывания в Константинополе запечатлели эти образы в моей памяти.

Послеполуденные часы я проводил у кромки дороги на Таксим, сидя на ветерке, под деревьями, чуждый всему окружающему, окидывая рассеянным взглядом пеструю толпу. Я размышлял об отрезке жизни, который только-только закончился, и вспоминал ту, которая, что было удивительно мне самому, так прочно заняла место в глубинах моей души.

В этом квартале я свел знакомство со священником-армянином, который познакомил меня с турецким языком. Я еще не любил этот край так, как любил позже, я наблюдал за его жизнью как турист, и тот Стамбул, которого боялись христиане, был мне почти незнаком.

В течение трех месяцев, что я жил в Пере, я обдумывал безумный план: поселиться с прекрасной турчанкой по другую сторону Золотого Рога, зажить жизнью мусульманина, то есть ее жизнью, целыми днями ощущать, что она – моя, проникать во все ее мысли, читать в глубинах ее сердца первозданные порывы, о которых я мог лишь догадываться во время наших салоникских ночей,

и знать, что она моя, только моя.

Дом, который я снял, был расположен в уединенной части Перы. Отсюда открывался вид сверху на Золотой Рог и на далекую панораму турецкого города; великолепие лета придавало этим местам особую прелесть. Занимаясь языком ислама перед большим открытым окном, я обозревал старый Стамбул, весь залитый солнцем. В самой глубине кипарисовой рощи виднелась мечеть Эюба[19 - Мечеть Эюба (Эюб-джами) - первая мечеть, построенная турками на одном из холмов Константинополя (1458); сооружена на месте предполагаемой гибели убитого при осаде византийской столицы Абу Эюба Энсари, сподвижника Пророка Мухаммеда.]. Вот где хорошо было бы укрыться вместе с возлюбленной - в этом таинственном уголке!

Вокруг моего дома простирались обширные запущенные участки земли, усеянные кипарисами и надгробными камнями. Не одну ночь бродил я по этим пустырям в поисках рискованных приключений с какой-нибудь красоткой, армянкой или гречанкой.

В глубине души я сохранял верность Азиаде, но день проходил за днем, а она все не ехала...

О милых созданиях, занимавших меня тогда, я сохранил воспоминания, лишённые того восторга, какой внушает любовь; ничто никогда не привязывало меня ни к одной из них.

Однако я нередко прогуливался ночью по этим кладбищам, и не раз бывали у меня там неприятные встречи.

Стамбул. Голубая мечеть. Фото 1895 г.

Однажды, часа в три, из-за кипариса вышел человек и преградил мне дорогу. Это был ночной сторож, вооруженный длинной железной палкой, двумя пистолетами и кинжалом; я же был безоружен.

Я сразу понял, чего хочет этот человек. Он скорее убил бы меня, чем поступился своим замыслом.

Я согласился следовать за ним: у меня возник план. Мы шли вдоль пятидесятиметрового обрыва, отделявшего Перу от Кассым-паши. Человек шел по самому краю. Улучив момент, я бросился на него. Он провалился ногой в пустоту и потерял равновесие. Я слышал, как он со зловещим шумом покатился вниз на камни.

По всей вероятности, у него были сообщники, а шум его падения должен был далеко разнестись в тишине. Я ринулся во тьму, рассекая воздух с такой скоростью, что никто не мог бы меня догнать.

Небо уже белело на востоке, когда я добрался до своей комнаты. Приключения не раз удерживали меня на улице до этих утренних часов. Только я заснул, как меня разбудила приятная музыка. Это была старинная прихотливая восточная мелодия, свежая, как лучи рассвета. Человеческим голосам вторили арфы и гитары.

Поющие прошли и затерялись вдали. В широко распахнутом окне видна была утренняя дымка, а над ней – пустое пространство неба; потом где-то в высоте проступило что-то розовое – купол и минареты; силуэт турецкого города возникал постепенно, город словно висел в воздухе... Я вспомнил, что нахожусь в Стамбуле и что она клялась сюда приехать.

VI

Встреча с этим человеком произвела на меня тягостное впечатление; я прекратил ночные прогулки и не заводил больше любовниц, если не считать молоденькую еврейку по имени Ребекка, которой я был известен в иудейском предместье под именем Маркетто.

Конец августа и часть сентября я провел в прогулках по Босфору. Погода была роскошная. Тенистые берега, дворцы и виллы отражались в спокойной синей воде, которую бороздили золоченые каики.

В Стамбуле готовились к низложению султана Мурада и к восшествию на престол Абдул-Хамида.

VII

Константинополь, 30 августа

Полночь! Пятый час по турецкому времени; ночные сторожа стучат по земле тяжелыми железными палками. Где-то в Галате[20 - Галата - район Стамбула на северном берегу Золотого Рога; здесь расположены главные пристани Стамбульского порта.] собаки устроили концерт, оттуда доносится их вой. Собаки моего квартала сохраняют спокойствие, и я очень им за это признателен. Они спят вповалку у моих дверей. Крутом - тишина; фонари гаснут один за другим, но мне не спится, и я просто лежу перед открытым окном.

Невдалеке виднеются старые армянские дома - темные, погруженные в сон; рядом - глубокий овраг, и в низине - столетние кипарисы образуют сгусток абсолютной черноты; скорбные деревья укрывают в своей тени древние захоронения мусульман, распространяя вокруг себя благоухание. Необъятный горизонт спокоен и чист; я будто парю над всей этой местностью. По ту сторону кипарисов - сверкающая пелена, это - Золотой Рог; еще дальше, на склоне, очертания восточного города; это - Стамбул. Минареты, высокие своды мечетей вырисовываются на фоне неба, густо усеянного звездами, с узеньким серпом полумесяца; по линии горизонта тянется бахрома башен и минаретов, легкой голубоватой кистью нанесенная на блеклый фон ночного неба. Высокие купола, на которые накладываются контуры минаретов, тянутся к луне и кажутся исполинскими.

В одном из этих дворцов, Сераскерате[21 - Сераскерат - дворец сераскеров, то есть командующих армиями (позднее сераскерами стали называть военных министров).], в этот самый миг разыгрывается мрачная комедия; знатные паши собрались там, чтобы свергнуть султана Мурада; завтра его заменит Абдул-Хамид. Мурада, чье восшествие на престол так пышно праздновалось три месяца назад и которому еще сегодня служили, как Богу, быть может, задушат сегодня ночью в одном из уголков гарема.

В Константинополе, однако же, тихо... В одиннадцать часов кавалеристы и артиллерия промчались галопом в сторону Стамбула; тяжелый грохот артиллерийских упряжек вскоре затих вдали, и все снова погрузилось в тишину.

В кипарисах кричат совы; так же кричат они и в моем краю; я люблю эти летние звуки, они возвращают меня в леса Йоркшира, в счастливые вечера детства, прошедшего под деревьями, там, в саду Брайтбери.

В окружающей меня тишине образы прошлого живо предстали в моем воображении – образы всего того, что разбилось, ушло без возврата.

Я надеялся, что Самуил будет со мной в этот вечер, и вот... без сомненья, я больше никогда его не увижу. У меня щемит сердце, и одиночество все больше тяготит меня. Неделю назад я позволил ему наняться подработать на судно, уходившее в Салоники. Три корабля, которые могли бы привезти его ко мне, вернулись. Последний из них – сегодня вечером, но никто на его борту ничего не слышал о Самуиле...

Серебряный серп медленно опускается за Стамбул, за купола Сулеймание[22 - Сулеймание – мечеть султана Сулеймана I, выстроенная в 1550–1557 гг. знаменитым архитектором Синаном.]. В этом большом городе я одинок, я всем чужой. Бедняга Самуил был единственный, кто знал о моем существовании, знал мое имя, и я начинал уже любить его.

Покинул ли он меня, и он тоже, или с ним случилась какая-то беда?

VIII

Друзья – что собаки: привязанность к ним плохо кончается, и лучше их вообще не иметь.

IX

К нам в гости часто приходит Сакето, который курсирует между Салониками и Константинополем на турецких грузовых судах. Сначала он робел, но вскоре освоился. Этот честный парень, друг детства Самуила, привозил тому новости с

родины.

Старуха Эстер, еврейка из Салоник, которая в свое время переодевала меня в турка и называла саго piccolo (милый малыш), посылает мне через него приветы и благие пожелания.

Сакето – желанный гость в нашем доме, особенно когда приносит вести от Азиаде.

– Ханум (госпожа), – говорит он, – шлет привет господину Лоти и просит терпеливо ждать ее – она приедет еще до наступления зимы...

Х

ЛОТИ – УИЛЬЯМУ БРАУНУ

Я получил Ваше печальное письмо лишь позавчера; Вы адресовали его на борт «Принца Уэльского», оттуда его переслали мне вдогонку в Тунис и дальше, по курсу судна.

И впрямь, мой бедный друг, у Вас есть основания для печали, и Вы все переживаете острее других; к несчастью, вы получили так же, как и я, тот род воспитания, который способствует развитию сердца и чувств.

Вы, без сомнения, сдержали обещания, которые касались молодой женщины, Вашей возлюбленной. Зачем, мой бедный друг, в силу какой морали и кому от этого польза? Если Вы до такой степени любите ее и если она Вас любит, не усложняйте себе жизнь условностями и излишней щепетильностью, соединяйтесь с ней, чего бы это ни стоило, и какое-то время вы будете счастливы; потом Вы выздоровеете, и все возможные последствия покажутся Вам второстепенными.

Вот уже пять месяцев – с тех пор как Вас покинул – я в Турции; здесь я встретил молодую женщину, странную и прелестную, по имени Азиаде, которая помогла скоротать дни ссылки в Салониках, и бродягу по имени Самуил, который стал мне другом. На «Дирхаунде» я стараюсь проводить как можно меньше времени; мое пребывание там можно назвать «перемежающимся» (как некоторые виды

лихорадки в Гвинее); по делам службы я появляюсь там раз в четыре дня. В Константинополе, в квартале, где меня никто не знает, я снял домишко; мой образ жизни определяется единственно моей фантазией; юная болгарочка семнадцати лет – моя временная возлюбленная.

У Востока еще есть особое очарование; он остался более восточным, чем это можно вообразить. Я выкинул штуку – выучил за два месяца турецкий язык; ношу феску и турецкий кафтан и играю в эфенди, как дети играют в солдатиков.

В былые времена я смеялся над романами, где храбрые мужи, потерпев неудачу, теряли и чувствительность, и нравственные ориентиры; быть может, подобные случаи в какой-то мере отражают мою нынешнюю ситуацию. Я больше не страдаю, больше не вспоминаю; я прошел бы равнодушно мимо тех, кого прежде обожал.

Я пытался стать христианином, но у меня ничего не получилось. В высоком заблуждении, способном сделать более мужественными некоторых людей – мужчин и женщин, наших матерей, к примеру, – до степени героизма, мне отказано.

Христиане смешат меня; если б я был верующим, все остальное в моих глазах не имело бы значения; я стал бы миссионером и когда-нибудь дал бы себя убить во имя Христа...

Поверьте мне, мой бедный друг, время и распутство – прекрасные лекарства; сердце со временем черствеет, и Вы перестаете страдать. Эта истина не нова, и я признаю, что Альфред де Мюссе[23 - Альфред де Мюссе (1810-1857) – французский поэт.] подошел бы Вам намного больше, однако из всех старых поговорок, которые люди передают из поколения в поколение, эта – одна из самых верных. Любовь, о которой Вы грезите, – такая же фикция, как и дружба; забудьте ту, кого любите, ради случайной шлюхи. Идеальная возлюбленная ускользает от Вас; ну что же – влюбитесь в циркачку с хорошей фигуркой.

Бога нет, морали нет, ничего из того, что нас учили уважать, не существует; есть только жизнь, она проходит, и логично требовать от нее максимум радостей, которые она может дать, в ожидании ужасного финала, имя которому – смерть.

Настоящие несчастья – это болезни, уродство и старость; и Вас и меня эти несчастья еще не коснулись; мы еще можем забавляться с красотками и наслаждаться жизнью.

Я открою Вам душу, обозначу свой символ веры: я взял за правило всегда делать то, что мне хочется, наперекор всякой морали, всяким правилам общежития. Я не верю ничему и никому, не люблю никого и ничего, у меня нет ни веры, ни надежды.

Двадцать семь лет потребовалось мне, чтобы до этого дойти. Если я пал ниже, чем средний человек, то зато и начал свое падение с большей высоты.

Прощайте, обнимаю Вас.

Лоти.

XI

Мечеть Эюба, расположенная в глубине Золотого Рога, была построена при Мехмеде II, на месте захоронения Эюба, сподвижника Пророка.

Доступ христианам туда запрещен, и даже подходы к ней для них небезопасны.

Памятник сооружен из белого мрамора в уединенном месте, за чертой города, и со всех сторон окружен кладбищами. Его купол и минареты едва угадываются в густой зелени гигантских платанов и столетних кипарисов.

Кладбищенские аллеи, тенистые и сумрачные, вымощены плитами из мрамора или другого камня. Вдоль аллей – древние мраморные сооружения; их первозданная белизна особенно заметна на фоне черных кипарисов.

Константинополь. Вид на улицу в районе Эйюб. Старинная открытка

Сотни могильных камней с позолоченными надписями, окруженные цветами, теснятся в тени вдоль дорожек; это могилы высококочтимых покойников – мусульманских пашей и сановников. Шейх-уль-исламы[24 - Шейх-уль-ислам – особо почетный титул мусульманских духовных лиц.] покоятся в склепах на одной из этих грустных аллей. В мечети Эюба располагается и усыпальница султанов.

XII

Шестого сентября, в шесть часов утра, мне удалось проникнуть во второй внутренний двор мечети.

Древний памятник был пуст и молчалив. Меня сопровождали два дервиша, которых от дерзости этого предприятия кидало в дрожь. Мы молча шагали по мраморным плитам. Мечеть в этот ранний час казалась белоснежной. Сотни голубей искали корм, перепархивая с места на место в пустынных дворах.

Дервиши, в одеяниях из грубой шерстяной ткани, приподняли кожаную дверцу, закрывавшую вход в святыню Стамбула, и разрешили мне осмотреть это столь чтимое место, куда ни одному христианину никогда не разрешалось даже бросить взгляд.

Был канун восшествия на престол султана Абдул-Хамида.

Хорошо помню день, когда новый султан с большой помпой был введен во владение султанским дворцом. Я увидел его одним из первых, когда он покинул мрачное убежище Старого сераля, где в Турции держат претендентов на престол. За ним прибыли большие парадные каики, и моя лодка случайно оказалась рядом с лодкой султана.

Несколько дней власти успели состарить султана, стерли с его лица присущее ему до этого выражение молодой энергии. Подчеркнутая простота его одежды оттеняла окружавшую его сейчас восточную роскошь. Этот человек, которого извлекли из относительной безвестности, чтобы привести к высшей власти, казалось, был погружен в задумчивость; он был худ, бледен, под большими черными глазами лежали тени; выражение лица говорило об уме и некоторой утонченности.

На султанских каиках сидело по двадцать шесть гребцов, форма лодок отличалась несравненной изысканностью Востока. Лодки были пышно украшены и целиком покрыты позолотой и резьбой, на носу – золотой водорез.

На придворных слугах – зеленые и оранжевые ливреи с золотым шитьем. Над тронем султана, украшенным множеством солнц, сверкал красно-золотой балдахин.

XIII

Сегодня, седьмого сентября, состоялась торжественная церемония восхождения султана на престол.

Абдул-Хамид, по всей видимости, спешит восстановить авторитет халифов в мире; быть может, его восшествие на престол станет для ислама началом новой эры, принесет Турции еще немного славы, обеспечит ее последний взлет.

В святой мечети Эюба Абдул-Хамид торжественно препоясал себя саблей Османов.

Затем султан, направляясь в старый дворец султанов в сопровождении великолепного кортежа, пересек Стамбул. В мечетях и в траурных павильонах, встречавшихся в пути, он, согласно обычаю, произносил молитвы, сопровождая их ритуальными жестами.

Шествие открывали воины с алебардами, украшенные зелеными плюмажами в два метра высотой, в роскошных нарядах, шитых золотом.

Абдул-Хамид двигался между ними, верхом на массивной белой лошади, выступавшей медленно и торжественно. Попона ее была расшита золотом и драгоценными камнями.

Шейх-уль-ислам в зеленой накидке, эмиры в тюрбанах из кашемира, улемы[25 - Улемы (араб, «ученые») – признанные и авторитетные знатоки геологии и религиозного права.] в белых тюрбанах с золотой перевязью, знатные паши, крупные сановники двигались на лошадях, сверкающих золотой сбруей, –

нескончаемый кортеж, среди участников которого можно было увидеть своеобразнейшие физиономии. Восьмидесятилетние улемы, которых слуги поддерживали на смиренных лошадях, обращали к народу свои белые бороды и глаза, выражавшие мрачный фанатизм.

Толпы народа сопровождали торжественное шествие. Это была та красочная турецкая толпа, в сравнении с которой самые живописные сборища Запада могут показаться унылыми и безобразными. Помосты, расположенные на всем многокилометровом пути следования султана, прогибались под тяжестью любопытных. Все одеяния Европы и Азии смешались в толпе зевак.

На высотах Эюпа[26 - Эюп (старое написание: Эюб) - северо-западное предместье Стамбула (за пределами городской стены византийских времен).] под кипарисами, среди надгробных памятников, расположились турецкие женщины. Их фигуры утопали в ярких шелках, из-под белой вуали сверкали только черные глаза. Зрелище было так красочно и живописно, что его можно было принять скорее за плод воображения какого-нибудь специалиста по Востоку, чем за реальную картину.

XIV

Приезд Самуила внес некоторое оживление в мой грустный дом, фортуна улыбнулась мне в игре в рулетку. Да и осень на Востоке великолепна. Я живу сейчас в одной из красивейших стран мира, и моя свобода ничем не ограничена. Я могу бродить где угодно - по деревням, горам и лесам азиатского или европейского берега, и не одному бедняку хватило бы на год тех впечатлений и приключений, которыми богат каждый мой день.

Да ниспошлет Аллах долгую жизнь султану Абдул-Хамиду, вернувшему жизнь большим религиозным праздникам, пышным торжествам в честь ислама. Стамбул каждый вечер ярко освещен, над Босфором вспыхивают бенгальские огни - последние огни угасающего Востока, догорающая феерия грандиозного спектакля, которого никогда больше уже не придется увидеть.

Несмотря на мое равнодушие к политике, все мои симпатии принадлежат этой красивой стране, которую хотят уничтожить, и я потихоньку, сам того не замечая, становлюсь турком.

XV

...Сведения о Самуиле и его национальности: он турок по воле случая, иудей по вере и испанец по крови.

В Салониках он был бродягой, лодочником, грузчиком; здесь он добывает пропитание на причалах; поскольку он внушает к себе большее расположение, чем другие, без работы он не сидит и неплохо зарабатывает; вечером ужинает виноградом и краюхой хлеба и возвращается домой, вполне довольный жизнью.

Я проигрался в рулетку, и вот уже мы снова бедняки, однако столь беззаботные, что ничуть от этого не страдаем: мы молоды, и удовольствия, за которые другие платят очень дорого, достаются нам даром.

Отправляясь на работу, Самуил надевает две пары рваных штанов; он думает, что дырки на штанах не совпадают и он вполне прилично выглядит.

Каждый вечер мы, как добрые левантинцы[27 - Левантинец – житель Леванта, как долгое время называлось восточное побережье Средиземного моря, чаще всего имелась в виду та его часть, на которой расположены Сирия и Ливан.], курим кальяны под платанами турецкой кофейни или отправляемся в театр китайских теней посмотреть на восхитительного Карагёза[28 - Карагёз – комический персонаж народного театра теней.] – турецкого Гиньоля[29 - Гиньоль – персонаж французского театра марионеток.]. Городские смуты нас не волнуют, политики для нас не существует.

Однако среди христиан в Константинополе нарастает паника, и Стамбул внушает страх жителям Перы, которые до дрожи боятся переходить мосты.

XVI

Вчера вечером, направляясь к Иззуддину-Али, я верхом пересек Стамбул. Горожане праздновали Байрам[30 - Байрам – праздник (тюрк.). Здесь имеется в виду Рамазан байрамы, праздник разговения после поста.], грандиозную феерию Востока, последний акт Рамазана[31 - Рамазан – девятый месяц мусульманского лунного календаря; для мусульман – месяц поста.]. Все мечети были в огнях

иллюминации, минареты сверкали снизу доверху, стихи Корана, написанные светящимися буквами, висели в воздухе; тысячи людей выкрикивали одновременно, под гул пушечных выстрелов, достославное имя Аллаха; празднично одетая толпа любовалась зрелищем; женщины, разодетые в шелка, серебро и золото, стайками прогуливались по городу.

Обойдя весь Стамбул, мы с Иззудином-Али к трем часам утра закончили нашу экспедицию в пригородном подвальчике, где молодые азиаты, одетые, как египетские танцовщицы, исполняли сладострастные танцы перед публикой, состоявшей из клиентов оттоманского правосудия, и вовлекали их в омерзительные сатурналии[32 - Сатурналии – разгульный веселый праздник; в Древнем Риме так назывался веселый народный праздник по окончании полевых работ, посвященный богу посевов и плодородия Сатурну.]. Не досмотрев до конца спектакль, достойный Содома, мы откланялись и ушли.

XVII

КАРАГЁЗ

Приключения и выходки сеньора Карагёза забавляли в Турции неисчислимое множество поколений, но ничто не говорит о близком конце его блистательной жизни.

У Карагёза много общего со старыми французскими полишинелями[33 - Полишинель – комический персонаж французского народного театра.]. Отколотив всех, кто попал ему под руку, в том числе свою жену, полишинель сам терпит поражение от шайтана, дьявола, который под конец, к великой радости зрителей, уволакивает его со сцены.

Карагёза делают из картона или из дерева; он предстает перед публикой в виде куклы или китайской тени, в том и другом случае он одинаково забавен. Он находит интонации и позы, о которых Гиньоль даже не подозревает; ласки, которые он расточает мадам Карагёз, невероятно комичны.

Карагёз то и дело обращается к публике, вступая с ней в бесконечные препирательства. Он отпускает грубые шуточки, часто неприличные, и

откалывает на глазах у всех такие номера, которые повергли бы в смущение даже маскарадного капуцина[34 - Капуцин – монах католического ордена, основанного в Италии в 1525 г.]. В Турции это проходит; цензура помалкивает, и каждый вечер добропорядочные турки водят посмотреть на Карагёза своих детишек. Залу битком набитому малышней, показывают спектакль, который в Англии вогнал бы в краску корпус гвардейцев.

Это забавная черта восточных нравов, и некоторым людям это дает основание сделать вывод, что мусульмане развращены намного больше нас. Однако такое умозаключение абсолютно ложно.

Представления Карагёза начинаются в лунный месяц рамазана и на протяжении тридцати дней собирают множество зрителей.

Потом весь реквизит разбирается и складывается. Карагёз отправляется на год в свою коробку и ни под каким предлогом не имеет права ее покинуть.

XVIII

Пера надоела мне, и я меняю место жительства: перебираюсь в старый Стамбул, точнее, в предместье Стамбула; в священный квартал Эюп.

Зовусь я здесь Ариф-эфенди; мое настоящее имя и положение никому не известны. Соседи, добрые мусульмане, не имеют понятия о моей национальности. Им это безразлично, мне – тоже.

Здесь я в двух часах ходьбы от «Дирхаунда», почти за городом, в доме, где я единственный жилец. Квартал заселен турками и в высшей степени живописен: вот оживленная деревенская улица, вот крытый рынок, кофейни, палатки; а вот суровые дервиши курят кальяны в тени миндальных деревьев.

На площади, у старого фонтана из белого мрамора, можно встретить всех, кто приходит в этот квартал: цыган, бродячих акробатов, жожаков медведей. Бурная жизнь площади не затрагивает только мой дом.

Карагёз – в переводе «черный глаз» – герой турецкого театра теней. Вид у Карагеза воинственный. Он драчун и хулиган.

Первый этаж этого дома представляет собой выбеленное нежилое помещение (мы открываем его лишь по вечерам, чтобы убедиться перед сном, что никто туда не забрался; Самуил полагает, что там живут привидения).

На втором этаже моя комната; она выходит тремя окнами на уже упомянутую площадь; там же – комнатка Самуила и помещение для гарема, обращенное на восток, в сторону Золотого Рога.

Если подняться еще на один этаж, попадешь на крышу, точнее на террасу, увитую виноградной лозой, увы, уже пожелтевшей под порывами осеннего ветра.

Рядом с домом – старая мечеть.

Когда муэдзин, уже ставший моим приятелем, поднимается на минарет, он оказывается на уровне моей террасы и, прежде чем начать молиться, дружески здоровается со мной.

С террасы открывается прекрасный вид на сумрачный пейзаж Эюпа; над таинственной котловиной, над рощей вековых деревьев поднимается беломраморная священная мечеть; дальше тянутся печальные холмы, усеянные мраморными памятниками; это громадное кладбище, настоящий город мертвых.

Справа – Золотой Рог, по которому снуют тысячи золоченых лодок-каиков; весь Стамбул как на ладони, в мозаике бесчисленных куполов и минаретов.

Еще дальше – холм, застроенный белыми домами. Это Пера, город христиан, а за ним – «Дирхаунд».

Уныние охватило меня при виде этого пустого дома, голых стен, слепых окон и дверей без запоров. Это ведь так далеко от моего мира, так далеко от «Дирхаунда» и так непрактично...

XX

Самуил восемь дней только тем и занимался, что мыл, конопатил и белил.

По турецкому обычаю, мы обили дощатые настилы белыми циновками – получилось чисто и уютно. Занавески на окнах, диван, покрытый тканью с красными узорами, завершили скромное убранство нашего дома.

Мое жилище преобразилось; я уже мог чувствовать себя как дома в этой лачуге, продуваемой всеми ветрами; она уже казалась мне не такой унылой, и она ждала ту, что поклялась приехать; быть может, ради нее единственной я и обрек себя на одиночество!

Тем не менее в Эюпе я скоро ощутил себя любимцем квартала.

Самуил тоже завоевал всеобщую симпатию.

Мои соседи, поначалу недоверчивые, скоро стали крайне предупредительно относиться к приветливому иностранцу, которого им послал Аллах и в котором все для них было загадкой.

Дервиш Хасан-эфенди после двухчасовой беседы пришел к такому заключению:

– Ты необыкновенный парень! Все, что ты делаешь, странно! Ты очень молод или, по крайней мере, выглядишь молодым, а ведешь такой независимый образ жизни, который даже люди зрелые не всегда могут себе позволить. Мы не знаем, откуда ты пришел, и не понимаем, на какие средства ты живешь. Ты объездил весь свет и обладаешь запасом знаний большим, чем наш улем; ты все знаешь и все видел. Тебе двадцать лет, быть может, двадцать два, но человеческой жизни не хватило бы, чтобы познакомиться с твоим таинственным прошлым. Ты мог занять видное место в европейском обществе в Пере, но ты переехал в Эюп, согласившись с причудливым выбором бродяги-иудея. Ты невероятный юноша, но мне доставляет удовольствие тебя видеть, и я счастлив,

что ты поселился среди нас.

XXI

Сентябрь 1876

Султан каждый год посылает в Мекку караван, груженный дарами.

Кортежу, выехавшему из дворца Долмабахче[35 - Долмабахче («Насыпной холм») – султанский дворец, расположенный к северу от Золотого Рога, на берегу Босфора, построенный в XVII в.], предстоит погрузиться в гавани Топхане[36 - Топхане («Пушечный двор») – тогдашнее северное предместье Стамбула; название получило от находившегося там, на берегу Босфора, пушечного завода.] и направиться в Скутари[37 - Скутари – теперь называется Ускюдар.] на азиатском берегу.

Во главе процессии группа арабов танцует под звуки тамтама и размахивает длинными шестами, обмотанными золотыми лентами.

Важно выступают верблюды в уборе из страусиных перьев, они несут на себе что-то вроде ларцов, обитых золотой парчой, расшитой драгоценными камнями; в этих ларцах перевозятся самые ценные дары.

Мулы, украшенные султанами, везут в ящиках, обитых красным бархатом и вышитых золотом, остальное богатство.

Улемы, знатные сановники едут верхом, а солдаты образуют живую изгородь вдоль всего пути их следования. Между Стамбулом и Святым городом сорок дней пути.

XXII

В эти осенние ночи Эюп представляет собой весьма мрачное место; у меня сжималось сердце, и странные чувства переполняли меня в первые ночи, которые я провел там в уединении.

Когда я впервые закрыл за собой дверь и мой дом погрузился в темноту, глубокая печаль укутала меня, словно саваном.

Я собрался было выйти, зажег фонарь. (В тюрьмах Стамбула заключенных выводят на прогулку без фонарей.)

После семи часов вечера в Эюпе все дома заперты и все погружается в сон; турки уходят на покой вместе с солнцем и запирают двери на засов.

Если вы где-нибудь увидите, что лампа отбрасывает на мостовую рисунок оконной решетки, не пытайтесь заглянуть в это окно. Лампа, которую вы видели, это траурная лампа, освещающая большие разукрашенные катафалки. Вас прирежут перед этим зарешеченным окном, и никто не придет вам на помощь. Лампы, которые мерцают здесь до самого утра, страшат еще больше, чем темнота.

В Стамбуле этот траурный свет можно встретить в любом закоулке.

Здесь, совсем рядом с моим жилищем, кончаются улицы и начинаются кладбища, которые служат убежищем для банд злоумышленников; ограбив, вас тут же, на месте, и закопают, и турецкая полиция никогда не станет в это вмешиваться.

Я встретил ночного сторожа, который заставил меня вернуться домой, осведомившись предварительно о целях моей прогулки; мои объяснения совершенно не удовлетворили его и даже показались подозрительными.

К счастью, среди ночных сторожей попадаются славные ребята, таким оказался и этот; хотя в дальнейшем ему предстояло увидеть в моем доме немало таинственного, он всегда вел себя с безупречной сдержанностью.

XXIII

«Можно найти приятеля, но нельзя найти верного друга». «Даже если вы обойдете весь мир, вы не найдете, быть может, ни одного друга...»[38 - Цитаты из древней восточной поэзии.]

ЛОТИ – СЕСТРЕ В БРАЙТБЕРИ

Эюп, 1876

...Открывать тебе мое сердце становится все труднее, потому что с каждым днем наши взгляды все больше расходятся. Христианская идея долго держалась в моем сознании, даже когда я уже перестал верить; она служила мне утешением. Теперь очарование ее совершенно исчезло; я не знаю ничего более суетного, ничего более лживого и более неприемлемого, чем она.

В моей жизни были ужасные минуты, я жестоко страдал, ты это знаешь.

Я хотел жениться и доверил тебе подыскать юную девушку, достойную нашего семейного очага и нашей старой матушки. Теперь я прошу тебя больше не заниматься этим: я сделал бы несчастной женщину, на которой женился, а потому предпочитаю по-прежнему прожигать жизнь...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

2

Восточный кризис – так назывались события на Балканах в 1875–1878 гг., вызванные борьбой славянских народов за освобождение от турецкого гнета. Начало кризису положило восстание христианского населения Герцеговины летом 1875 г. Вскоре национально-освободительное движение перекинулось в другие южнославянские земли, прежде всего – в Сербию и Болгарию. Воспользовавшись этим, Австро-Венгрия, Россия и Англия попытались удовлетворить собственные интересы в этом регионе, оказывая нажим на правительство Турции, чтобы изменить ее политику относительно захваченных славянских народов. 30 июня 1876 г. Сербия объявила войну туркам, при этом в сербских войсках находилось около 4000 русских добровольцев. Однако уже осенью сербы были разбиты, и только вмешательство России заставило Османскую империю заключить перемирие. Константинопольская конференция, о которой упоминается в книге, состоялась 11–23 декабря 1876 г. Неудача конференции, пытавшейся решить Восточный кризис мирным путем, побудила Россию вмешаться в события на Балканском полуострове. Война Турции была объявлена 24 апреля 1877 г., но активные действия русских войск на балканском фронте начались в конце июня.

3

Корвет – трехмачтовый парусный военный корабль, вооруженный 20–30 пушками.

4

Гяур (от араб, «кяфир») – «неверный»; так мусульмане называли всех иноверцев, чаще – европейцев.

5

Вам надо попасть на корабль? (англ)

6

Сабир – разговорный язык интернационального общения; смесь из французских, итальянских, испанских и арабских слов. – Примеч. перев.

7

Я отвезу тебя на своей лодке (сабир).

8

Цехин – название золотой монеты (дуката), чеканившейся начиная с XIII в. на венецианском монетном дворе; был широко распространен в Средиземноморье.

9

Йоркшир – графство на северо-востоке Великобритании.

10

Что вы от меня хотите? (сабир.)

11

Олимп – горный массив в Фессалии, на северо-востоке Греции; высшая точка – гора Митикас (2917 м). В античной Греции считался местопребыванием богов.

12

Автор имеет в виду легендарного царя Соломона, правителя единого царства Израиля и Иудеи (принятые в настоящее время даты царствования: 965–926).

13

Екклезиаст (греч. Екклесиаст – «Проповедник») – автор одноименной книги Ветхого Завета.

14

...думай иногда о Самуиле! (сабир.)

15

Карабурун – имеется в виду мыс Мегало-Карабурун (Большой Карабурун), закрывающий выход из Салоникской бухты в одноименный залив Эгейского моря.

16

Среди упомянутых вершин только одна находится в пределах Македонии. Афон – гора на полуострове Агион-Орос. Пилион – горный хребет в Фессалии. Оса – гора в Фессалии, на побережье залива Термаикос.

17

Дедеагач – сейчас этот прибрежный городок называется Александруполис и находится на территории Греции.

18

Пера (греч. «по ту сторону») – район Стамбула, расположенный к северу от Золотого Рога (совр. Бейоглу).

19

Мечеть Эюба (Эюб-джами) – первая мечеть, построенная турками на одном из холмов Константинополя (1458); сооружена на месте предполагаемой гибели убитого при осаде византийской столицы Абу Эюба Энсари, сподвижника Пророка Мухаммеда.

20

Галата – район Стамбула на северном берегу Золотого Рога; здесь расположены главные пристани Стамбульского порта.

21

Сераскерат – дворец сераскеров, то есть командующих армиями (позднее сераскерами стали называть военных министров).

22

Сулеймание – мечеть султана Сулеймана I, выстроенная в 1550–1557 гг. знаменитым архитектором Синаном.

23

Альфред де Мюссе (1810–1857) – французский поэт.

24

Шейх-уль-ислам – особо почетный титул мусульманских духовных лиц.

25

Улемы (араб, «ученые») – признанные и авторитетные знатоки геологии и религиозного права.

26

Эюп (старое написание: Эюб) – северо-западное предместье Стамбула (за пределами городской стены византийских времен).

27

Левантинец – житель Леванта, как долгое время называлось восточное побережье Средиземного моря, чаще всего имелась в виду та его часть, на которой расположены Сирия и Ливан.

28

Карагёз – комический персонаж народного театра теней.

29

Гиньоль – персонаж французского театра марионеток.

30

Байрам – праздник (тюрк.). Здесь имеется в виду Рамазан байрамы, праздник разговения после поста.

31

Рамазан – девятый месяц мусульманского лунного календаря; для мусульман – месяц поста.

32

Сатурналии – разгульный веселый праздник; в Древнем Риме так назывался веселый народный праздник по окончании полевых работ, посвященный богу посевов и плодородия Сатурну.

33

Полишинель – комический персонаж французского народного театра.

34

Капуцин – монах католического ордена, основанного в Италии в 1525 г.

35

Долмабахче («Насыпной холм») – султанский дворец, расположенный к северу от Золотого Рога, на берегу Босфора, построенный в XVII в.

36

Топхане («Пушечный двор») – тогдашнее северное предместье Стамбула; название получило от находившегося там, на берегу Босфора, пушечного завода.

37

Скутари – теперь называется Ускюдар.

38

Цитаты из древней восточной поэзии.

Купить: https://telnovel.com/ru/loti_p-er/nevol-nica-garema

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)